

Яо Мянью схватила Чжун Жуйчжи за воротник:

— Где он остановился? В какой гостинице? Если не скажешь, думаешь, я не найду? В Шанхае нет ничего, что твоя мама не смогла бы сделать. Будь умницей, скажи сам, а если я найду, ему и его семье не поздоровится!

Чжун Жуйчжи всё ещё прижимал край своей рубашки, обеими руками, крепко:

— Я сам хотел...

— Он тебя обманул, заставил в машине штаны снять, а ты ещё говоришь, что сам хотел? — закричала Яо Мянью. — Ты совсем без стыда?

— Если ты считаешь, что я бесстыдник, то пусть будет так, — его голос был тихим, но слова произносились чётко. — Я никогда не говорил о ваших личных делах, зачем выносить мою личную жизнь на всеобщее обозрение и называть меня бесстыдным?

Яо Мянью снова ударила его.

Чжан Пин вскрикнула и попыталась остановить её. Она всегда баловала Чжун Жуйчжи, даже его подростковую привычку курить она поощряла.

Когда Яо Мянью замахнулась снова, Чжан Пин прикрыла Чжун Жуйчжи собой:

— Не бей его, разве ты решишь проблему, если его избьёшь?

— Он крепкий, — сказала Яо Мянью. — Santana, дешёвка, внутри, с восьми тридцати до десяти тридцати, — она ткнула пальцем в голову Чжун Жуйчжи. — И ты ещё говоришь, что не бесстыдный? Даже проститутки так не делают!

Она была вне себя от гнева, слова вырывались сами собой.

— Ну как, возбуждает? Почему бы вам просто не устроить представление на улице? — сказала Яо Мянью. — Расскажи всем, что я, Яо Мянью, родила сына-гомосексуалиста!

Чжун Жуйчжи чувствовал себя опустошённым. Его любимая мать так оценивала его чувства, видя только грязный секс.

Он был опустошён, но не мог винить мать, потому что понимал, что так общество воспринимает гомосексуалистов, особенно таких, как он, пассивных.

Яо Чан, стоявший рядом, попытался успокоить:

— Не говори больше, чем дальше, тем хуже.

Она сказала это, но слова уже нельзя было забрать, и она тоже чувствовала себя обиженной.

Яо Чан сказал:

— Твоя мама только что сказала это в гневе, не принимай близко к сердцу. Ты прав, личные дела не должны обсуждаться так, Жуйчжи, молодость — время ошибок, послушай дядю, извинись перед мамой, а потом... расстанься, поезжай в США, учись, эти дела... мы больше не будем поднимать.

— Я не ошибся, — с редкой для него твёрдостью сказал Чжун Жуйчжи.

Яо Мянью переспросила:

— Ты повторишь?

Чжун Жуйчжи сказал:

— Как сын, как член семьи, я заставил вас волноваться, опозорил вас тем, что люблю мужчину, я могу извиниться, но... я люблю его, и это не ошибка.

В комнате воцарилась тишина, все смотрели на Чжун Жуйчжи с шоком. Яо Мянью уже слышала это, шока не было, только выражение «всё пропало».

Только спокойный, но твёрдый голос Чжун Жуйчжи нарушил молчание:

— Мы не ошиблись, мы искренне любим друг друга, только друг друга. Он очень хорош ко мне, и я... очень люблю его, люблю настолько, что даже если вы будете смеяться надо мной, оскорблять меня, я всё равно хочу быть с ним.

Яо Мянью снова замахнулась, но Чжан Пин прикрыла её спиной:

— Не бей! Все на взводе, чем больше давишь, тем хуже!

Старики знали, как быть.

— Вы слышали, что он сказал? Разве это не заслуживает удара? — сказала Яо Мянью. — Любовь — это повод заниматься сексом с женщиной? Любовь — это не ошибка? Тогда почему государство не выдаёт вам свидетельство о браке?

— Главное — чувства, наличие свидетельства о браке не важно, — сказал Чжун Жуйчжи.

Чжан Пин крепко обняла его:

— Маленький божок! Хватит говорить! Пусть каждый скажет поменьше, уступи бабушкиному давлению, ладно?

Чжун Жуйчжи больше не говорил.

Яо Лисин вздохнул и сказал Яо Чану:

— Разделите их, пусть Чжун Жуйчжи хорошо выспится, подумает, все дела обсудим завтра.

Чжун Жуйчжи заперли в спальне, Чжан Пин пошла спать с Яо Мянью.

Яо Чан беспокоился о Яо Лисине. Старик внешне выглядел нормально, но ночью мог не заснуть. У него были хронические заболевания лёгких и сердца, хотя и не очень серьёзные, но в семьдесят с лишним лет эмоции могли спровоцировать обострение.

Действительно, войдя в комнату, он услышал его кашель.

Яо Чан налил стакан воды:

— Завтра я пойду с тобой в больницу?

Яо Лисин махнул рукой:

— Того Цан Ицзина я и твоя мама видели. Но тогда мы не думали о романтических отношениях. Кто мог подумать, два мальчика. Ты видел такое?

Он был начитан, в древних романах часто описывались однополые отношения.

— Видел, — сказал Яо Чан. — Тайком, не осмеливались говорить вслух. Жуйчжи смелый, ещё говорит, что не ошибся.

— Это врождённое или приобретённое? — спросил Яо Лисин.

— Тогда... завтра спроси его.

Яо Лисин сказал:

— В семьдесят шестом году Жуйчжи было всего семнадцать.

— Возраст первой любви, — сказал Яо Чан. — Первая любви, а какой этот Цан Ицзин?

Яо Лисин ответил:

— Ещё будет шум. Я думаю, Яо Мянью его запрет, тогда этот парень обязательно придёт, ты увидишь.

Яо Чан спросил:

— Папа, ты не злишься?

Яо Лисин развёл руками и вздохнул:

— Злюсь, но что толку? Я хочу прожить ещё пару лет, увидеть, как Вэйвэй выйдет замуж. Ты воспитывай её тщательнее, я не хочу, чтобы в двадцать с лишним лет она сказала мне, что любит женщин.

Яо Чан засмеялся:

— Не будет, не будет, плакаты с мужчинами-знаменитостями на стене.

Яо Лисин сказал:

— Жуйжуй похож на девочку?

Яо Чан долго думал, затем покачал головой:

— Всё-таки слишком красив, и мужчины, и женщины за ним бегают.

— Ты помоги узнать, чем занимается этот Цан Ицзин, за твоей сестрой тоже присмотри, не дай ей надеть глупостей, — сказал Яо Лисин. — В этом деле твоя мама права: когда чувства сильны, нельзя разбивать пару, иначе они станут ещё ближе.

Яо Чан кивнул:

— Но и оставлять всё как есть тоже нельзя.

Яо Лисин сказал:

— Через два месяца он уедет в США, этот парень сможет прорыть туннель и последовать за ним? Уговори сестру: если слишком давить, будет только хуже. Жуйчжи не захочет уезжать, она ещё больше разозлится.

— Сказать шурину? — спросил Яо Чан.

— Нельзя. Что можно решить в Шанхае, не надо выносить в Пекин, — сказал Яо Лисин. — Семья Чжун считает Жуйчжи преемником, написали в завещании, в прошлый раз встретились,

сказали мне. Жуйчжи учится в Шанхай, пусть мы его хорошо воспитываем, ещё сказали присматривать: не жениться рано, невесту выбирать тщательно, чтобы из хорошей семьи, с образованием, красивая, главное — характер мягкий, понимающий, — Яо Лисин хлопнул в ладоши. — Вот беда! Парень в семьдесят шестом году уже тайно обручился. Дедушке Чжун принять мужскую невестку труднее, чем мне.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197317>